

УДК 002.2(=162.1):027.021(571.16–25)
 ББК 76.103(2)(=415.3)+78.347.4(2Рос–4Том–2Том)
 DOI: 10.20913/1815-3186-2016-1-53-57

**КНИГИ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ ЛИЧНОГО СОБРАНИЯ
 САБИНЫ ЯРОШЕВСКОЙ В ФОНДАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
 НАУЧНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. А. С. ПУШКИНА:
 ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ, ОБЩИЙ ОБЗОР
 И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ**

© И. В. Никиенко, 2016

*Томская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина
 634069, г. Томск, пер. Батенькова, 1*

О книжном коллекционировании как способе сохранения этнокультурной идентичности. Рассматриваются особенности личности создателя польской библиотеки С. Б. Ярошевской, история и состав сформированного ею книжного собрания, намечаются перспективы детального исследования фрагмента польской коллекции С. Б. Ярошевской в фондах Томской областной универсальной научной библиотеки (ТОУНБ) им. А. С. Пушкина. Впервые используются данные каталогов и инвентарных книг отдела книг на иностранных языках ТОУНБ и материалы бесед с академиком Р. С. Карповым, лично знавшим собирательницу.

Ключевые слова: польская диаспора, Сибирь, частные книжные собрания, С. Б. Ярошевская.

The article deals with book collecting as a way to preserve ethnic and cultural identity. The author examines Sabina Jaroszevska personality as the Polish library creator, her book assemblage history and composition, prospects for detailed studying the Polish collection fragment in A.S. Pushkin Tomsk Regional Universal Scientific Library (TRUSL) stocks are outlined. For the first time catalogues and inventories of the TRUSL Foreign book department are used as well as interviews with Academician Rostislav Karpov, who personally knew the collector.

Keywords: polish diaspora, Siberia, private book collections, Sabina Jaroszevska.

Важность изучения частных книжных коллекций в контексте истории книжного дела в целом была осознана в рамках так называемого «антропологического поворота» в гуманитарных науках на рубеже XX и XXI вв. и с тех пор все более утверждается с выявлением новых точек пересечения книговедческой и библиотечковедческой проблематики, которые поднимают актуальные вопросы исторического, литературного и лингвистического краеведения, социологии, культурологии и межкультурной коммуникации. В частности, исследование личных библиотек поляков, созданных на территории России (СССР), не просто освещает некоторые подробности истории книжного коллекционирования определенного региона в тот или иной период, но и затрагивает имеющую большое значение проблему сохранения этнокультурной идентичности в инонациональном окружении.

Бытование польской книги на Томской земле имеет длительную и специфическую историю, поскольку, в отличие от литературы на других иностранных языках, польские издания были необхо-

димы в Томске по причине их востребованности носителями языка – ссыльными поляками и их потомками.

Как известно, наиболее заметный след в истории Томска оставили участники Январского восстания 1863–1864 гг., после подавления которого в Томскую губернию было выслано более 6 тысяч человек, и около тысячи из них составили польскую колонию в самом Томске [3, с. 6]. На рубеже XIX–XX вв. томская польская диаспора не только объективно являлась значимой частью мультикультурного пространства города, но и отчетливо осознавалась русскоязычным большинством как таковая, что находило прямое отражение в организации книжной торговли и библиотечного дела; так, в магазинах и библиотеке П. И. Макушина привычное «триязычие» в отделе иностранной литературы (английский, немецкий, французский) нарушалось за счет наличия самых разнообразных изданий на польском языке, создавались крупные частные и «ведомственные» книжные собрания (например, при Томской римско-католической церкви –

Польском костеле), а в 1905 г. открылась публичная Польская библиотека («Biblioteka Polska w Tomsku»), подробнее см. [2]).

В советский период традиция направленного формирования польского сегмента книжного рынка в Томске прерывается, национализация Польской библиотеки приводит к ее идеологической «чистке» и рассредоточению по различным частным и общественным книжным собраниям; кроме того, постепенно сходит на нет главный фактор пополнения и обновления польских фондов – наличие носителей языка: поляки в третьем и четвертом поколениях утрачивают активное, а затем и пассивное владение языком, который формально уравнивается для них с любым другим иностранным. В этих условиях особое значение для возрождения польских библиотек в Томске приобретала личная устремленность их собирателей, несмотря ни на что сохранивших ощущение «польскости» и видящих цель своей деятельности в собственном приобщении, а затем и в приобщении возможно большего количества сибирских поляков к истории и культуре Отечества с помощью языка и литературы. Именно таким человеком была Сабина Болеславовна Ярошевская (Sabina Jaroszevska, далее – J), создатель новой польской библиотеки в Томске.

Биографические сведения о J крайне скудны и отрывочны. По данным В. А. Ханевича, она родилась 24 июля 1893 г. в Тобольске, в семье купца; после окончания средней школы и библиотечных курсов в 1935 г. поступила на работу в научную библиотеку Томского института вакцин и сывороток (далее – ТИВС), где прошла путь от рядового библиотекаря до заведующего библиотекой (1955) и оставалась в этой должности вплоть до выхода на пенсию (1964). Умерла J 4 мая 1972 г., находясь на лечении в пансионате для инвалидов «Лесная дача», и была похоронена на кладбище села Воронова Шегарского района Томской области (см. [3, с. 657]; далее ссылки на справку В. А. Ханевича из книги «Поляки в Томске» опускаются).

Получение дополнительной информации о жизни и личности J затруднено тем, что, не имея семьи, она вела к тому же крайне замкнутый образ жизни, максимально ограничивая свои контакты. Эта замкнутость, даже скрытность вряд ли была исконной чертой характера J; скорее всего, причиной утраты доверительных отношений с окружающими стали перенесенные ею несчастья (В. А. Ханевич указывает, что у J была приемная дочь, которая погибла на фронте в годы Великой Отечественной войны; кроме того, по свидетельству знавшего J лично академика Р. С. Карпова, имели хождение слухи, что до войны J была замужем, и ее супруг, крупный военачальник, в 1937 г. подвергся репрессиям).

В 1940–1960 гг. круг общения J составляли почти исключительно сослуживцы, читатели и соседи, причем категории эти пересекались, так как J долгие годы проживала в коммунальной квартире по ул. Тимирязева, 22 (ныне – пр. Ленина, 47, здание стоматологической клиники) – в доме, где квартиры предоставлялись преимущественно сотрудникам ТИВС. Глубоко уважая J и высоко ценя ее профессиональные и человеческие качества: хорошее знание своей предметной области и преданность делу, ответственность и порядочность – соседи (семьи ведущих специалистов ТИВС профессора С. П. Карпова, М. А. Мастеницы) по мере возможности старались скрасить ее одиночество и помочь в ситуации материального неблагополучия, однако J обычно отвергала всяческие формы опеки, неохотно принимала даже самые незатейливые подарки и праздничные гостинцы. По воспоминаниям Э. И. Мастеницы (дочери М. А. Мастеницы), при всей отзывчивости J, готовности поделиться своим опытом, ей всегда была свойственна некоторая строгость и отстраненность, проистекающая, надо полагать, не из эмоциональной сухости, а из желания защитить личное пространство (даже в последние годы жизни, когда физическое и психическое состояние J резко ухудшилось, она отказалась от предложения М. А. Мастеницы переехать к ней, поскольку хотела жить самостоятельно).

Все, знавшие J, отмечают также ее невероятную скромность и бытовой аскетизм: направляя все свои средства на формирование библиотеки и в силу этого ограничивая себя в остальном (Р. С. Карпов, сын С. П. Карпова, восстанавливая в памяти образ J, рассказывал, что ее постоянно можно было видеть в одном и том же «сереньком служебном халатике», зимой – в «скромном пальтишке», а обычной ее пищей были «корочка хлеба и чаек»), она никогда не чувствовала себя в чем-то ущемленной. Можно сказать, что J воплощала собой *polski honor* – не польский гонор, ассоциирующийся у русских с высокомерием, заносчивостью, спесивостью, а польскую честь, связанную с самоуважением, ощущением внутренней силы, достоинства, с духовным аристократизмом.

Хрупкого телосложения, невысокого роста, неяркой внешности, J притягивала к себе и взрослых, и детей своей образованностью, интеллигентностью, любовью к книге, пониманием читательских интересов собеседника; даже те люди, что общались с J относительно недолгое время и эпизодически, сохранили о ней самые теплые воспоминания (так, Р. С. Карпов уверяет, что «светлое впечатление» от общения с J осталось не только у них с сестрой, но и у его супруги, которая познакомилась с J гораздо позднее и контактировала с ней не так часто). Конечно, как создательница и хранительница самых разных книжных коллекций (личных

ли, общественных), J вызвала восхищение; с одной стороны, она была страстной книжницей (по словам Р. С. Карпова, она «болела делом», «ничем другим не интересовалась», так что он почти никогда не говорил с ней о чем-либо кроме книг); с другой стороны, ее увлечение чтением и коллекционированием книг не было проявлением односторонних или эгоистических интересов; например, Р. С. Карпов свидетельствует, что:

- J очень ревностно относилась к комплектованию фонда библиотеки ТИВС, заботилась о наличии в его составе не только научной, но и художественной литературы, ночами стояла в очереди на подписку, а в сложный для истории библиотеки период (когда после ухода с поста директора ТИВС Б. Г. Трухманова институт перестал ее финансово поддерживать) покупала книги на свои деньги, хотя и получала мизерную зарплату;

- ей удавалось привлекать в ведомственную библиотеку читателей, не являющихся сотрудниками ТИВС, а также эффективно работать с детьми, умело развивая их интерес к чтению («Всегда внимательно относилась к нам, книги подбирала, что попало никогда не давала, старалась заинтересовать тем, что нужно», – утверждает Р. С. Карпов; «Когда мы возвращали книги, она всегда беседовала с нами по содержанию: о чем книга, что понравилось, и исходя из этого рекомендовала новые книги, выстраивала план чтения», – добавляет Э. И. Мастеница);

- J принимала посильное участие в формировании личных библиотек сотрудников ТИВС, с которыми ее связывали уважительно-дружеские отношения (С. П. Карпова, М. А. Мастеницы, А. Ф. Ястребова), рекомендуя ту или иную литературу к приобретению, обеспечивая к ней доступ, в отдельных случаях преподнося в дар достаточно ценные и редкие экземпляры (безусловно, заслугой J является наличие в библиотеке Карповых переводов классиков польской литературы Г. Сенкевича, Б. Пруса, Э. Оржешко, в частности подаренное 15 декабря 1959 г. издание романа «Камо грядеши?» 1902 г.).

Если же говорить о собственном книжном собрании J, то оно просто впечатляет; казалось бы, за пару десятилетий можно без особого труда собрать домашнюю библиотеку в несколько тысяч томов, однако когда собиратель живет в отдаленном от центра городе, его финансовые средства ограничены, тематика собираемой литературы специализирована, а способные пополнить коллекцию издания выходят преимущественно за рубежом, формирование библиотеки становится настоящим подвижничеством.

В истории личной библиотеки J много неясного; несмотря на то, что речь идет о событиях относительно недавних, у нас нет четкого ответа на вопросы о том, где хранились книги и каково

было их точное количество, а также кем и при каких обстоятельствах коллекция была передана в областную библиотеку; по всем этим пунктам имеющиеся сведения весьма противоречивы:

- В. А. Ханевич, ссылаясь на данные личного архива, сообщает, что в библиотеке J было около 4000 книг, которые занимали все пространство в ее небольшой квартирке; Р. С. Карпов подтверждает, что комната J была действительно маленькой, даже «крохотной», но никаких книжных шкафов, полок или заполненных книгами ящиков, коробок он в ней не припоминает и не исключает возможности, что J хранила свои книги в библиотеке ТИВС; что же касается количественной характеристики коллекции, то отсутствие каких-либо документов (составленного J каталога, акта приема книг, специальных пометок в инвентарных книгах областной библиотеки) не позволяет нам комментировать ни называемое В. А. Ханевичем общее число томов, ни даже указанное в статье заведующей иностранным отделом А. Д. Барзах число подаренных библиотеке польских изданий (1500) [1]: очень вероятно, что эти данные столь же приблизительны, как и данные В. А. Ханевича;

- В. А. Ханевич утверждает, что коллекция J была передана областной библиотеке после смерти собирательницы, однако А. Д. Барзах настаивает, что передача (по крайней мере изданий на польском языке) осуществлялась лично владелицей собрания. Тот факт, что книги (или их часть) попали в библиотеку еще при жизни J, подтверждается тем, что основная партия подаренной ею польской литературы занесена в инвентарные книги иностранного отдела под датой 11 января 1972 г., то есть почти за 4 месяца до смерти J; тем не менее, учитывая сложности со здоровьем, которые были у J в последние годы жизни, трудно предположить, что она специально приехала в Томск из пансионата, чтобы передать книги библиотеке. В любом случае невозможно исключить участие в этом соседей J – сотрудников ТИВС, в первую очередь С. П. Карпова.

Трудно сказать, почему коллекция Сабины Болеславовны Ярошевской попала именно в областную библиотеку; стандартным ходом в подобной ситуации была бы ее передача в библиотеку ТИВС, и поэтому первоначально областная библиотека от дара отказывалась; тем не менее в конечном счете книги были приняты, и последствия этого оказались довольно неоднозначными: с одной стороны, ценность собрания J трактовалась функционально, и поэтому сохранить его в полном объеме не удалось; с другой стороны, в архивах ТИВС эта коллекция наверняка бы пролежала без использования вплоть до самого закрытия институтской библиотеки, результатом которого стало, к сожалению, бесконтрольное рассеяние фондов.

Приступая к описанию личной библиотеки J, мы вынуждены признать, что выявление ее русскоязычной части на данный момент представляется задачей едва ли осуществимой: в свое время эти издания (предположительно 2500 томов) просто «растворились» в многотысячном фонде областной библиотеки. Несколько иначе дело обстоит с изданиями на польском языке: их относительно компактное расположение в фондах отдела литературы на иностранных языках и сектора редкого фонда историко-краеведческого отдела, а также последовательная запись основного массива польских поступлений 1972 года в инвентарных книгах библиотеки позволили обнаружить 78,5% исходной полутора-тысячной коллекции, что позволяет нам считать особенности состава сохранившегося фрагмента достаточно показательными для характеристики польской части книжного собрания J в целом.

В настоящее время мы располагаем 1175 изданиями на польском языке, принадлежность которых к коллекции J подтверждается наличием владельческого автографа «S. Jaroszewskiej»; еще 2 книги могут быть включены в коллекцию условно, поскольку зарегистрированы в инвентарных книгах библиотеки в составе упомянутой выше «основной партии».

Даже беглое знакомство с польской коллекцией J позволяет утверждать, что наиболее актуальными для дальнейшего ее исследования характеристиками являются следующие:

- *отраслевой состав*. Обращает на себя внимание преобладание книг из отдела художественной литературы (1041 из 1177, то есть 88,4%), в первую очередь оригинальной польской (941, 79,9%), а также переводной (100, 8,5%). Значительное количество изданий представлено в отделе истории (61, 5,2%), искусства (29, 2,5%), литературоведения (20, 1,7%), географии (16, 1,4%), в общем отделе (4, 0,3%); в отделах языкознания, естественных наук, обществознания и технологии обнаружилось единичные экземпляры (в общей сложности 6, 0,5%). Такое долевое соотношение весьма красноречиво свидетельствует об отчетливой гуманитарной направленности в подборе книг и требует детализации в описании отдела художественной литературы не только по языку оригинала, но и в хронологическом и жанровом отношении. Это тем более важно, что бытует мнение, будто бы собрание J почти исключительно состояло из произведений польской классической литературы XIX – начала XX в.: «это – <...> издания классиков польской литературы: Сенкевича, Мицкевича, Потоцкого <...>» (А. Д. Барзах); «библиотека в основном включала в себя произведения Адама Мицкевича, Элизы Ожешко <Оржешко>, Крашевского и других польских классиков» (В. А. Ханевич); «по-моему, там был Генрик Сенкевич, Болеслав

Прус, наверное» (Р. С. Карпов). Между тем анализ сохранившейся части польской коллекции показывает, что это не совсем так: действительно, произведения известного своей плодовитостью автора исторических и бытописательных романов Ю. И. Крашевского имеются в ней в избытке (77 томов, в том числе с повторяющимися названиями), другие же упомянутые авторы представлены значительно скромнее: Э. Оржешко – 16 томов, Г. Сенкевич – 15, Б. Прус – 8, А. Мицкевич – 5, Я. Потоцкий – 1. На этом фоне достаточно репрезентативно выглядят подборки произведений ряда современных J писателей: Э. Паукшты (12 томов), К. Бунша, Г. Морцинека, Б. Мрувчиньского (по 11), М. Домбровской, Т. Лопалевского (по 10), Я. Ивашкевича (9) и др. Вообще, нельзя утверждать, что собирательница была строго ориентирована на классическую или «большую» литературу; коллекция содержит самые разные образцы поэзии, художественной и параклассической прозы (воспоминаний, дневников, путевых заметок), включая литературу XX в., в том числе так называемую жанровую (история, детектив, фантастика, приключения, дамский роман, детская литература и т. п.);

- *время и место издания, издательство и издательская серия*. Большая часть собрания J – это издания 50–60-х гг., в то время как книги начала 1970-х гг., военных лет и «дореволюционные» представлены единичными экземплярами, а эпохи 20–30-х гг. вообще отсутствуют. Что же касается места издания, то здесь можно наблюдать существенное разнообразие: в коллекции оказались собраны книги из большей части культурных центров Польши того периода: Варшавы, Кракова, Вроцлава, Познани, Люблина, Лодзи, Гдыни, Катовице и др.; разумеется, преобладают «центральные» (варшавские и краковские) издания, однако и издательская деятельность регионов оказывается освещена в рамках коллекции в достаточной степени, при этом научные издания соседствуют с массовыми (ср., например, книги варшавских издательств «Państwowe Wydawnictwo Naukowe» и «Czytelnik»), а наряду с продукцией издательств «широкого профиля» имеется и литература, выпущенная в специализирующихся по каким-либо признакам (тематике, идеологии, целевой аудитории) издательствах (ср., например, «Nasza Księgarnia» – Варшава, детская литература; «Wydawnictwo Morskie» – Гдыня, литература на морскую тематику, «Pallotinum» – Познань, католическая литература и др.). Издательские серии в основном связаны с жанровой принадлежностью выпускаемых произведений, ср., например, варшавские издания: «Labirynt» («Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej») – детектив, «Biblioteka Stańczyka» («Iskry») – сатира, юмор, «Powieści o Dziejach Ojczystych» («Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza») – история и др., однако

в ряде случаев актуальны другие признаки формирующих серию книг: связь с определенным местом или деятельностью какой-либо организации, нацеленность на увековечение памяти деятеля культуры и др., например: «Biblioteka Syrenki» (Варшава, «Państwowy Instytut Wydawniczy») – книги о Варшаве, «Biblioteka “Sztandaru młodych”» того же издательства – библиотека газеты «Sztandar młodych», являющейся органом «Союза польской молодежи», «Biblioteka Karola Miarki» (Катовице, «Śląsk») – книги, продолжающие издательскую традицию силезского просветителя Карла Мярки и т. п.;

• *оформление.* Представленные в коллекции J польские издания 50–60-х гг. позволяют проследить послевоенное возрождение книжного дела в Польше. Значительная часть книг в составе собрания имеет мягкий переплет, однако этот кажущийся «дешевым» вариант издания не всегда оказывается таковым, поскольку во многих случаях мы имеем дело с тщательно продуманным и мастерски воплощенным графическим оформлением книги. Таким образом, издания из коллекции J знакомят сибирского читателя как с польской литературой и гуманитарной наукой, так и с изобразительной культурой, а в отношении конкретного материала было бы интересно не только проследить особенности оформления отдельных книг, но и попробовать сконструировать образ книжной серии или всего массива продукции того или иного издательства названного периода, формирующийся за счет привлечения определенного коллектива книжных дизайнеров;

• *дарственные надписи.* Как указывалось выше, круг общения J был крайне узок; среди сохранившихся книг польской коллекции удалось обнаружить только три экземпляра, факт передачи которых в дар J подтверждается соответствующими надписями. Это две книги, подаренные сотрудником ТИВС А. Ф. Ястребовым (том сочинений Э. Оржешко польского издания 1912 г. с надписью «Сабине Болеславовне в знак уважения А. Ястребов» и роман «Kordian i cham» Л. Кручковского советского издания 1950 г. с надписью «Сабине Болеславовне А. Ястребов Томск 3/XII 51 г.») и еще одна, преподнесенная J некоей Вандой (сборник эссе Х. Мушиньской-Хоффманновой о дворце Браницких в Белостоке «W Wersalu podlaskim» с надписью «Drogię Pani Sabinie od Wandy. Białystok. 13.IX.62»). По воспоминаниям Р. С. Карпова, эпидемиолог А. Ф. Ястребов был интеллектуалом и книголюбом, с увлечением читал не только специальную,

но и художественную литературу и часто советовался с J по вопросам ее выбора и приобретения. К сожалению, после его отъезда в Тюмень трудно искать какие-то дополнительные свидетельства их общения (например, ответные дары J А. Ф. Ястребову), однако в целом характер их отношений не вызывает каких-либо вопросов. Совсем иная ситуация с дарительницей из Белостока (польского? сибирского?): надпись заставляет нас задуматься не только о том, были ли у J заграничные контакты, но и о том, насколько основательно J владела польским языком, являлось ли это владение активным или пассивным, усвоила ли она его от родителей или выучила «как иностранный». Так, Р. С. Карпов не сомневается в том, что J знала язык великолепно, однако не припомнит случая, чтобы она при нем что-то говорила, декламировала или пела по-польски; с другой стороны, дар Ванды свидетельствует о том, что J могла быть в переписке с носителем языка, то есть имела не только рецептивные навыки, позволявшие ей читать польскую литературу без словаря, но и навыки продуктивные; этот вопрос, впрочем, требует дальнейшего исследования.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что польская коллекция J является поистине уникальным для Сибири книжным собранием, специфическим образом отражающим духовные запросы, особенности личности и отчасти судьбу его владельца, а также в какой-то мере характеризующим издательскую деятельность Польши и ее книгообмен с СССР в 50–60-е гг. прошлого века. Дальнейшее изучение личной библиотеки Сабины Болеславовны Ярошевской по намеченным направлениям представляется весьма перспективным и может принести множество открытий как краеведческого, так и книговедческого характера.

Литература

1. Барзах А. Д. Редкий дар // Красное знамя. – 1972. – 1 июня. – С. 4.
2. Никиенко И. В. Из истории библиотек польской диаспоры в Томске (дореволюционный период) // История и методика преподавания славянских языков и литератур как иностранных с применением технологии диалога культур : материалы Регион. науч. конф. «История и методика преподавания славян. яз. как иностранных в Сиб. регионе» (24–25 марта 2005 г.). – Томск, 2005. – Вып. 2. – С. 236–240.
3. Поляки в Томске (XIX–XX вв.) : биографии / авт.-сост. В. А. Ханевич ; гл. ред. Т. В. Галкина. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. – 686 с.

Материал поступил в редакцию 06.10.2015 г.